

ЧЛЕНЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА СМЫСЛА (ПО ДАННЫМ УСИЛИТЕЛЬНЫХ ЧАСТИЦ) FRAGMENTATION OF THE MENTAL SPASE ACCORDING TO THE MODAL PARTICLES

Овчинникова Т.Е. (teotax@yandex.ru), Московский государственный лингвистический университет

Предметом рассмотрения является функционирование в пространстве смысла русских усилительных частиц, совпадающих по форме с указательными местоимениями (вот и вон). Значение, соответствующее функции указания в данном пространстве, в основном интерпретируется как «примерное», то есть частица вводит пример, иллюстрирующий сказанное ранее. Помимо «примерного» значения в пространстве смысла частица вон используется для выражения высокой степени обнаруживаемого признака, указывая при этом на отстраненность говорящего от наблюдаемого. Выбор той или иной частицы зависит от того, как говорящий членит пространство смысла.

В составе значений ряда частиц представлены дейктические компоненты, «работающие» на нужды идентификации (предмета, места, времени, ситуации в целом) – с помощью указания на отношение к речевому акту, его участникам, речевому ситуативному контексту. Демонстративы обладают редкой для служебных слов особенностью – они этимологически никогда не происходят из лексем других классов. Таким образом, демонстративы входят в базовый морфологический состав языков. Вероятно, это объясняется именно их дейктической функцией, поскольку дейксис представляет собой один из древнейших и наиболее фундаментальных механизмов человеческого языка.

Тем не менее, демонстративы, как и местоименные наречия являются источником пополнения класса модальных и усилительных частиц. Например, выделяя классические дейктические слова русского языка, обязательно называют указательные частицы *вот* и *вон*. В своих первичных значениях они являются специализированными показателями пространственного дейксиса и выражают указание на ориентацию предметов относительно говорящего: *вот* указывает на нахождение в пространстве, где находится говорящий, *вон* – в пространстве, находящемся за пределами той сферы, в которой говорящий находится или мыслит себя.

В случаях первичного употребления указательных частиц *вот* и *вон* идентификация объектов обычно осуществляется путем одновременного произнесения слов и указания на объект. Таким образом, функцию дейктического указания принимает на себя не только слово, но и жест, например:

(1) *Вот мой дом* или *Во-он туда пойдём?*

При употреблении модальных частиц *вот* и *вон* пространственные показатели оказываются связанными с эмоциональными компонентами. Например, в высказывании (2) *Вот когда еще у нас будет такой удачный случай?* с помощью модальной частицы *вот*, помимо указания на то, что говорящий мыслит сообщаемое как касающееся его лично, реализуется оценка ситуации как невозможной или нежелательной для говорящего. На базе этой оценки возникает дополнительный смысловой эффект – выражение неодобрения, осуждения адресата.

В высказывании (3) *Так вон какую игру эти люди с нами вели!* модальная частица *вон* указывает «на уяснение того, что ранее было неизвестно или непонятно для говорящего, и выражает отрицательную оценку сообщаемого» [Щур 1999].

Каким же образом происходит переход указательных частиц, местоимений в модальные и усилительные частицы? Рассмотрим это на примере русских частиц *вот* и *вон*.

С нашей точки зрения при возникновении данных частиц имела место метафоризация. Связь слова с указанием, апеллирующей к известному, определенным образом способствует усилению эмоционально-экспрессивной окраски всего высказывания. Однако указательное, отсылочное значение данных слов в определенной степени изменяется, метафоризируется. В случае с парой усилительных частиц *вот* и *вон* указание осуществляется на неназванный ранее объект (понятие), ср. (4) *Что же ты? Вот твой друг так бы не сделал*. Выделение при помощи указания происходит в сфере общих представлений говорящего и слушающего о мире (в бытовой картине мира). Эту сферу общих представлений мы и будем называть «пространством смысла».

Метафора смыслового пространства апеллирует к способу зрительного представления объекта, основанному на очевидностях зрительного восприятия, поскольку, «для получения знания необходимо, чтобы то, что высказывалось о мире, совмещалось с тем, что может быть видимым, – между тем и другим не должно существовать темных и неясных зон; более того, если они даже и появляются, то должны быть тут же преодолены, ибо классический концептуальный дискурс покоится на прозрачности знания (язык, вступая в видимое, придает ему силу прозрачности, а сам зрительный акт не нуждается более в сопутствующем ему комментарию, языке, ибо последний уже составляет его высказывательную арматуру, без которой глаз бы не видел» [Подорога 1995, 208]. Семиотическое пространство, пространство смысла универсально в своих материальных проявлениях. Будь то камень, дерево или металл, все к чему прикасается мышление человека, становится текстом, телом знака и имеет смысл.

Пространство смысла, или ментальное пространство, «представляет собой среду концептуализации и мышления. Тем самым любому конкретному положению дел, находящемуся в стадии становления, соответствует ментальное пространство» [Fauconnier 1985].

К ментальным пространствам относятся, например, такие сущности:

- непосредственно данная нам реальность – так, как мы ее понимаем;
- вымышленные ситуации, ситуации, изображенные на картинах, представленные в фильмах, и т.д.;
- прошлое или будущее ситуаций - так, как мы их понимаем;
- гипотетические ситуации;
- сфера абстрактных категорий, например, область общих понятий, область математических концептов и т.д.

Итак, рассмотрим, как функционируют усилительные частицы *вот* и *вон* в пространстве смысла. Значение, соответствующее функции указания в данном пространстве, можно интерпретировать как «примерное», то есть *вот*, либо *вон* вводит пример, иллюстрирующий сказанное ранее. В таких случаях в контексте встречаются слова: например, к примеру, скажем, возьмем и т.д.:

(5) *Я лег на правый бок, ... и вдруг понял, что спать мне совершенно не хочется – хочется есть. ... Надо было срочно принимать меры, и я их принял. Вот, скажем, система двух интегральных уравнений типа уравнений звездной статистики... Решать, естественно, можно только численно, скажем, на БЭСМ... Я вспомнил нашу БЭСМ. Панель управления цвета заварного крема. Женя кладет на эту панель газетный сверток и неторопливо его разворачивает. «У тебя что?» – «У меня с сыром и колбасой». (Стругацкие, «Понедельник начинается в субботу»)*

В данном высказывании частица *вот* вводит пример, иллюстрирующий сказанное ранее, то есть принятие мер – переключение на что-то, не связанное с едой. Здесь необходимо обращение особого внимания на то сообщение, к которому относится высказывание с частицей, поскольку оно должно быть выделено из множества аналогичных мер, а именно, человек, чтобы уснуть, обычно считает до ста, считает овец и т.д. Мыслительная операция здесь помимо частицы маркирована также глаголом *скажем*.

(6) *Никому в голову не приходит, что между известными фактами и каким-то новым явлением может лежать море неизвестного, и тогда мы объявляем новое явление сверхъестественным и, следовательно, невозможным. Вот, например, как бы мэтр Монтескье принял сообщение об оживлении мертвеца через сорок пять минут после зарегистрированной остановки сердца? В штыки бы, наверно, принял. (Стругацкие, «Понедельник начинается в субботу»)*

Здесь говорящий, подразумевая, что слушающий знает, кто такой Монтескье и каковы его научные убеждения, обращает внимание с помощью частицы на данное лицо. Таким образом, говорящий включает партнера по коммуникации в то пространство смысла, в котором находится сам.

В некоторых случаях доказываемое или приводимое в качестве примера бывает спрятано в содержании модальной рамки: (7) *Вечно ты ввязываешься, вот зачем сегодня ругаться начал?* В данном примере сообщение «ты сегодня ввязался в нехорошее дело» скрыто в значении вопроса *зачем ты сегодня ругаться начал?* [Борисова 1999: 81].

(8) – *Вы это прекратите, – сказал Модест. – Есть общежитие, есть гостиница, а здесь музей, госучреждение. Если все будут спать в музеях... Вы откуда?*

– *Из Ленинграда, – сказал я мрачно.*

– *Вот если я приеду в Ленинград и пойду спать в Эрмитаж?* (Стругацкие, «Понедельник начинается в субботу»)

Данным вопросом с частицей *вот* говорящий привлекает внимание слушающего к ситуации, которую он считает абсурдной. Такое употребление частицы мы также относим к «примерным», хотя здесь и нет дополнительных маркеров, упомянутых ранее. Описанная ситуация является аналогичной ряду других абсурдных ситуаций, о которых слушающий может догадаться. Таким образом, говорящий включает слушающего в свое мен-

тальное пространство, не допуская, что представления партнера по коммуникации о правильном поведении могут расходиться с его представлениями.

Итак, можно считать, что функция «маркировка примера» для этого употребления *вот* почти совпадает с частным значением этой частицы, которое, учитывая связь с общим значением, может быть описано как «говорящий привлекает внимание слушающего к объекту или сообщению, поскольку оно одно из ряда аналогичных, обладающих теми характеристиками, которые упоминались ранее».

Рассматриваемое нами пространство смысла может члениться в зависимости от близости-удаленности от некоторого центра, который можно связать с говорящим (или с общим центром для говорящего и адресата).

(9) – *И зачем ты ввязался? Вон Николай не стал ни о чем сообщать – его и не трогают.*

Николай здесь предстает как лицо известное, но не очень тесно связанное с говорящим и слушающим.

Рассмотрим еще несколько примеров на употребление частицы *вон* в похожих контекстах.

(10) *Какой же ты булгахтер – об твой лоб-то можно поросят шестимесячных бить. Это ты Любке вон говори про булгахтера – она поверит.* (Шукшин, «Калина красная»)

Здесь так же, как и в случаях употребления частицы *вот*, описанных ранее, частица *вон* употребляется в «примерном» значении. В данном контексте замена *вон* на *вот* невозможна, так как говорящий, указывая на объект, известный слушающему, оценивает его отрицательно, и при этом с помощью частицы *вон* «отдаляет» от себя, чтобы дать понять слушающему, что он (говорящий) не имеет тех отрицательных характеристик, о которых известно слушающему.

(11) – *На то она и тюрьма! – воскликнул старик. – А не курорт. С курорта и то, бывает, приезжают прозрачные. Илюха вон Лопатин радикулит ездил лечить: корову целую ухнул, а приехал без копыя.* (Шукшин, «Калина красная»)

Здесь говорящий не оценивает ситуацию как положительную или отрицательную. Частица *вон* лишь указывает на то, что сообщение о некотором произвольно выделенном лице является иллюстрацией к сказанному ранее, а именно *С курорта и то, бывает, приезжают прозрачные*. Выбор частицы *вон* обусловлен тем, что лицо, о котором говорится, известно, но не очень тесно связано с говорящим и слушающим.

Указание может относиться и к действию или явлению, которое говорящий желает выделить:

(12) *Займись чем-нибудь, почитай вон/ вот.*

Здесь оба этих указания используются для приведения понятия в качестве примера (возможна перифраза *например, почитай*). *Вот* будет более естественно во фразе, где уже активированы семантические поля, близкие к чтению, ср. (13) *Что-то ты давно не брал в руки книг. Займись чем-нибудь, почитай вот.*

Помимо «примерного» значения в пространстве смысла частица *вон* используется для выражения высокой степени обнаруживаемого признака, указывая при этом на отстраненность говорящего от наблюдаемого. В этом случае усилительная частица *вон* употребляется в начале или внутри восклицательного предложения, обычно перед местоимением, указывающим на признак.

По нашему мнению, эта отстраненность говорящего от наблюдаемого возникает вследствие того, что говорящий не хочет высказывать свое мнение прямо и категорично, а косвенно апеллирует к мнению адресата. Таким образом, говорящий включает адресата в то пространство смысла, в котором находится сам. В подтверждение данного предположения рассмотрим несколько примеров.

(14) *Дрозд двинулся было к попугаю, но остановился.*

– *Он же, наверное, кусается, – опасливо произнес он. – Вон клюв какой.* (Стругацкие, «Понедельник начинается в субботу»)

Здесь говорящий, употребив частицу *вон*, указывает на то, что его представления о данном объекте совпадают с представлениями слушающего, а именно, если у попугая клюв большой, то он может укусить. То, что говорящий не уверен полностью и апеллирует к мнению адресата, подтверждается использованием вводного слова *наверное*. Таким образом, с помощью усилительной частицы *вон* говорящий указывает на свою отстраненность от наблюдаемого [Щур 1999: 218].

Однако встречаются случаи употребления частицы *вон*, когда она указывает на степень признака близкого объекта, либо самого говорящего:

(15) – *Приду. – Девушка улыбнулась. – Обязательно приду. Принести чего-нибудь?*

– *Ничего не надо! Меня профсоюз будет кормить.*

– *Тут хорошо кормят, – вставил белобрысый. – Я уж на что – вон какой, и то мне хватает.* (Шукшин, «Живет такой парень»)

Здесь возникает на первый взгляд парадоксальная ситуация, когда говорящий в отношении себя употребляет частицу *вон*, которая обычно употребляется по отношению к далеким объектам. Но парадоксальность такой ситуации снимается, если мы понимаем, что говорящим в данный момент движет скромность. Если бы он упо-

требил в данном контексте частицу *вот*, то его речь выглядела бы как бахвальство. Поэтому говорящий, употребляя частицу *вон*, ссылается на то, как его характеризуют другие.

(16) Директор посмеялся. Егор ему тоже не понравился: какой-то бессмысленно строптивый.

– А что? **Вон** я какой – в шляпе, при галстуке... – Егор посмотрел в зеркальце. – Чем не прокурорский сын? (Шукшин, «Калина красная»)

Здесь в отношении частицы *вон* складывается похожая ситуация. В отношении обоих примеров можно сказать, что, употребляя частицу *вон* по отношению к себе, говорящий указывает слушающему на общность их представлений о мире, но при этом он делает это не напрямую, а косвенно.

Итак, на основе вышесказанного можно сделать следующие выводы. Функционируя в пространстве смысла, усилительные частицы *вот* и *вон* указывают на неназванный ранее объект или понятие. Значение, соответствующее функции указания в данном пространстве, мы расцениваем как «примерное», то есть *вот*, либо *вон* вводит пример, иллюстрирующий сказанное ранее. Если в реальном пространстве говорящий, употребляя указательную частицу *вот*, указывает на объект, находящийся в непосредственной близости, то, употребляя усилительную частицу *вот*, говорящий включает партнера по коммуникации в то пространство смысла, в котором находится сам. С усилительной частицей *вон* ситуация несколько иная. Как и в реальном пространстве, так и в метафорическом пространстве смысла, частица *вон* указывает на удаленность от некоторого центра, который можно связать с говорящим. Употребление усилительной частицы *вон* связано с намерением говорящего показать, что указываемый объект а) известен, но не очень тесно связан с говорящим и слушающим; б) известен своими отрицательными характеристиками, поэтому говорящий с помощью частицы *вон* дает понять, что этих характеристик у него нет. Помимо «примерного» значения в пространстве смысла частица *вон* используется для выражения высокой степени обнаруживаемого признака, указывая при этом на отстраненность говорящего от наблюдаемого. Употребляя усилительную частицу *вон* по отношению к собственной характеристике, говорящий стремится показать, что он не сам положительно характеризует себя, а всего лишь смотрит на себя глазами других людей, для которых естественно было бы употребить *вон*, а не *вот*.

Список литературы

1. Fauconnier G. Mental Spaces. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1985.
2. Борисова Е.Г. Принципы описания служебных слов // Вестник Московского университета. Сер.9. Филология. 1999. № 2
3. Борисова Е.Г., Овчинникова Т.Е. Пространства усиления // Труды Международного семинара «Диалог-2005». – М.: «Наука», 2005
4. Подорога В. Феноменология тела. М., 1995.
5. Щур М.Г. Словарное представление русских частиц, их классы и функционирование. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1999.